

Он совершенно не помнил, куда дел телефон, когда переодевался.

Жизненный опыт подсказывал: чем отчаяннее ищешь пропавшую вещь, тем меньше шансов найти её быстро. Обычно она обнаруживается позже, случайным взглядом, на самом видном месте.

Шуй Цюэ окинул взглядом раздевалку, но так и не нашёл свой мобильный. Ему не оставалось ничего, кроме как обратиться к Цюй Цзючао:

— У тебя есть телефон? Мне нужно сейчас же посмотреть... Как ты мог не взять с собой подавителя? У тебя что, сбился период течки?

Юноша метался, как на раскалённой сковороде, и сгоряча выпалил:

— Может... может, мне позвать другого альфу, который знает, что делать?

Не успел он договорить, как Цюй Цзючао впился зубами в его шею. Разумеется, тот не задел железу, но всё равно было больно — омега явно не сдерживал силы.

Даже в помрачённом сознании председатель задал яростный вопрос:

— Ты вообще понимаешь, что такое метка? В твоих глазах я омега, готовый принять любого?

Шуй Цюэ осознал, что на этот раз зашёл слишком далеко, и тихо извинился:

— Прости... не кричи на меня.

Словно ком застрял в горле, мешая дышать. Ему было невыносимо тяжело, будто его незаслуженно и глубоко обидели.

— Я правда не умею...

Человек за его спиной вздохнул. Взяв младшего господина за плечи, он развернул его лицом к себе и крепко, без единого зазора, прижал к груди.

Сложные украшения на бальном платье — жемчужные нити — холодно впивались в кожу, причиняя боль, но жар их тел, соприкасавшихся так тесно, казалось, мог расплавить их в эту новогоднюю ночь.

— Укуси мою железу так же, как я только что, — Цюй Цзючао, стараясь сохранять спокойствие, контролировал свой голос. — А теперь высвободи феромоны.

В большинстве случаев Шуй Цюэ был послушным учеником, и обучение искусству метки не стало исключением. Он шаг за шагом следовал указаниям, словно списывал домашнее задание с готовых ответов.

Юноша боялся прикусить слишком сильно и потому, склонив голову, коснулся кожи клыком.

Джин с можжевельником и улун с гарденией хлынули потоком, затопля раздевалку.

***

Шуй Цюэ не понимал, как всё дошло до такого.

Предметы, лежавшие на длинном столе, с оглушительным звоном полетели на пол. Он оказался на столешнице; подол платья, лишённый кринолина, мягкими волнами тяжёлого бархата смялся под ним.

Омега, получивший временную метку, потерял контроль ещё больше, чем раньше. Он казался хрупким, но при росте почти в метр девяносто под его рубашкой скрывались сухие, поджарые мышцы. Отличная физическая форма, результат долгих тренировок и экстремального спорта, позволяла ему с лёгкостью удерживать альфу перед собой.

Традиционные роли альфы и омеги поменялись местами.

Шуй Цюэ был вынужден крепко сжать ногами талию Цюй Цзючао. U-образный вырез платья, которое он надел без накидки из лисьего меха, и без того был свободным. В пылу борьбы ткань сместилась, полностью обнажив его нежные розовеющие плечи.

Тот, обезумев, впился в губы юноши, терзая их, пока они не вспыхнули жаром и не припухли. Капельки сладкой слюны скатывались по белоснежной шее.

Словно боясь, что парень сбежит, Цюй Цзючао одной рукой придерживал его за затылок, заставляя отвечать на свои движения, а другой мертвой хваткой вцепился в ленты на его спине.

Видимо, уроки экономии воды не прошли даром — он не хотел упускать ни капли. Его губы скользили от нежных щек вниз, слизывая сладкие влажные дорожки.

— Не надо... — Шуй Цюэ прижал ладонь к его лицу, сгорая от стыда так, что пальцы на ногах поджались. — Останутся следы, все увидят.

— Значит, можно там, где никто не увидит? — пальцы, сжимавшие ленты, нервно дрогнули, и председатель задал вопрос с явным намеком.

Младший господин, не заметив манипуляций за спиной, всё ещё колебался.

— Ты ещё не успокоился? Тогда, наверное, можно... Но тебе нужно поторопиться, я боюсь, у нас не хватит времени на подготовку.

«Странно. Разве метка не должна была мгновенно успокоить омегу в период течки? Может, это потому, что я выделил слишком мало феромонов? Значит ли это, что я... никчёмный альфа? Совершенно неспособный удовлетворить потребности омеги. Что же делать? Какой позор. Цюй Цзючао теперь будет меня презирать?»

Он покраснел от стыда, готовый закрыть лицо руками.

Настоящий омега сам добьётся своего. Очки Цюй Цзючао остались во внутренней комнате другой раздевалки, что избавляло от необходимости их снимать.

Его тонкие пальцы были гораздо проворнее, чем у Шуй Цюэ. Несколько ловких движений, и темно-зеленые ленты ослабли, а верхняя часть платья, лишённая поддержки, соскользнула вниз.

Прохладный воздух окутал тело со всех сторон.

— По-подожди... — глаза юноши округлились. Он с таким трудом завязал эти ленты и даже собирался попросить президента помочь закрепить узел, а тот, оказывается, пришёл только всё испортить.

Темные глаза опустились вниз, и взгляд, словно приклеенный, застыл на открывшемся виде. Собеседник, кажется, хотел поправить очки, но по рассеянности забыл, что переносица пуста, и его рука взметнулась впустую.

Он ошарашенно рассмеялся:

— Такие маленькие.

Шуй Цюэ не сразу понял, о чём он, а когда до него дошло, он вспыхнул:

— Ты больной?! Замолчи, не смей этого говорить!

— Но такие красивые, — добавил Цюй Цзючао, словно желая смутить его ещё больше, и

устремил на него благоговейный взгляд. — Я хочу их поцеловать.

Он не только осмелился подумать об этом, но и оказался человеком, готовым немедленно воплощать свои желания в жизнь.

***

Обратный отсчёт до начала вечера достиг нуля. Сотня залпов салюта и фейерверков озарили небо, оглушая и наполняя воздух гулом и дымом.

Насытившийся юноша с довольным видом терпеливо завязывал сложные темно-зеленые ленты, сложив их в идеальный бант.

— Готово.

Он взял накидку из лисьего меха и осторожно, будто наряжая драгоценную куклу, помог Шуй Цюэ надеть её.

Накидка скрыла всё: и U-образный вырез, и зелёные ленты на спине. Она защищала от ветра и надёжно прятала тайну. Только он видел то, что было под ней.

— Никто другой не увидит.

Шуй Цюэ, всё ещё находясь в прострации, не ответил. Он, должно быть, был сильно напуган: уголки его глаз покраснели, а ресницы, когда он опускал взгляд, всё ещё тревожно подрагивали.

Омега, вновь принявший свой обычный вежливый и мягкий вид, ничем не напоминал того, кто только что потерял рассудок. Он опустился на одно колено, чтобы Шуй Цюэ мог удобно положить ногу на его бедро, и аккуратно надел на него белый чулок.

Он выглядел таким покладистым и готовым на всё. Совершенно не похожим на того извращенца, который, даже если бы его избивали, не разжал бы зубов.

«Волк в овечьей шкуре»

— решил Шуй Цюэ.

Если бы не его задание, Цюй Цзючао, вероятно, никогда в жизни не нашёл бы себе пару. Как вообще на свете может существовать такой ужасный омега!

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. И хотя он знал, что это крайне невежливо, он не удержался и пнул его в плечо.

Тот даже не шелохнулся.

Вместо этого широкая ладонь обхватила лодыжку юноши и приподняла её. Тяжёлый подол платья сместился, открывая вид на изящную линию ноги, уходящую вглубь.

Шуй Цюэ, не обращая внимания на то, куда устремлен взгляд собеседника, упёрся руками в стол и попытался вырвать ногу:

— Ты что делаешь? Отпусти!

— Разве не ты первым начал меня пинать? — спокойно ответил Цюй Цзючао.

Младший господин уже хотел было возразить, но в следующую секунду от действий оппонента у него перехватило дыхание, и все слова застряли в горле.

Придя в себя, он тут же прикрыл рот рукой.

— Чтобы больше никогда не смел целовать меня в губы!

Он смотрел на него так, словно перед ним был дикий зверь, от которого нужно держаться подальше.

— Но... — хладнокровно возразил Цюй Цзючао, — твоя нога тоже пахнет сладко.

Как можно говорить такое тоном, будто зачитываешь научный доклад!

Когда Шуй Цюэ медленно дошёл до гримёрной, в его сознании всё ещё стояла картина: Цюй Цзючао, склонив голову, сквозь тонкую ткань белого чулка целует его лодыжку.

Капитан рыцарей уже давно ждал у двери. Смахнув пылинку с золотой ленты на груди, он поднял глаза:

— Почему ты так долго переодевался?

— Слишком сложное платье, неудобно, — Шуй Цюэ никак не мог привыкнуть к сценическому костюму. Подол был тяжёлым и мешал видеть дорогу. Он чувствовал себя маленьким принцем, который тайком надел платье сестры и теперь не знает, как ходить.

Из-за двери доносился шум.

— Сун пришёл? Сун пришёл?

— Не толкайтесь, тут широко, не наступи на моё платье!

— Не носи чушь, это ты отойди подальше! Сун уже переоделся?

— Дайте мне первому посмотреть, дайте мне!

Сильно покрашенные смуглые альфы, придерживая подола, высовывали головы из-за двери.

— Пф-ф, — Шуй Цюэ не сдержался и рассмеялся.

Он думал, что будет выглядеть нелепо, играя женскую роль, но, глядя на своих товарищей по команде, понял, что те выглядят ещё комичнее.

Увидев его, спортсмены, наоборот, застеснялись. Их прежняя наигранная манерность, вызывавшая смех, исчезла, уступив место неподдельному смущению. Главным образом потому, что человек перед ними был настолько красив, что заставлял сердца биться чаще.

То ли темно-зелёный цвет так оттенял его кожу, то ли она и вправду была такой белой. Нежное лицо, длинные ресницы, острый подбородок, утопающий в пушистом воротнике накидки из лисьего меха.

Лу Фэнчи остро почувствовал что-то неладное. Губы Шуй Цюэ были немного припухшими, словно их кто-то долго целовал.

— А где Цюй Цзючао? — спросил он о единственном отсутствующем.

— У него помялась рубашка, он взял утюг, чтобы погладить, — объяснил младший господин.

«Помялась? Почему она помялась? Что они делали?»

Альфа в костюме чёрного рыцаря, словно кто-то вторгся на охраняемую им территорию, приблизился к Шуй Цюэ, не обращая внимания на взгляды остальных, и, едва касаясь, обвёл его кольцом рук. Капитан низко склонил голову и втянул носом воздух, проводя от щеки к шее, а затем к воротнику накидки.

Запаха чужих феромонов не было. Но как же сладко он пах.

Насыщенный, сладкий аромат исходил от его кожи, просачивался изнутри. Лу Фэнчи уже чувствовал его однажды, в тот вечер после школы. Сейчас он был ещё сильнее, чем тогда, когда он сам целовал Шуй Цюэ.

Рыцарь наклонился ещё ниже, почти зарываясь лицом в грудь юноши. Хотя это и была инсценировка, но не до конца. Грудь других «жён» была создана за счёт мышц.

Лу Фэнчи никогда так остро, как сейчас, не осознавал, что Шуй Цюэ — самый слабый альфа среди них. Его грудь была худой и плоской. И пахла совершенно особенно.

Что же они всё-таки делали?

Он грубо, не рассчитав силы, попытался развязать тёплую накидку. Шуй Цюэ, нахмутив изящные брови, резко отбил его беспокойную руку.

— Ты что творишь? Ещё раз так сделаешь, и я рассержусь.

— Ох... — Лу Фэнчи виновато убрал руки. — Прости.

Почему ему нельзя? Так что же они делали?

***

Представление имело оглушительный успех. Когда актёры вышли на поклон, зал взорвался аплодисментами.

Первые три ряда в партере были зарезервированы для приглашённых родителей и выпускников.

Вэй Цин пришёл вместе с Сун Цинем как бывший глава университетского фотокружка. Разумеется, Сун Цинь был здесь и как родитель, и как выпускник, в то время как Вэй Цин был всего лишь почётным гостем. Он щёлкал затвором, просматривая сотни сделанных фотографий. В центре каждого кадра был только один человек.

— Если бы ты не сказал мне, когда он вышел, я бы и не понял, что это твой младший брат, — Вэй Цин потер подбородок. — Как ему досталась такая роль, ты спрашивал? Он сам захотел?

Шуй Цюэ, конечно, не сказал ему правду. Узнав, что брат придёт на выступление, он даже запаниковал и уклончиво ответил, что он всего лишь дерево на заднем плане. Сказал, что у старшего брата так много работы, и не стоит тратить время зря, он всё поймёт.

Сун Цинь, разумеется, не мог пропустить выступление Шуй Цюэ. Даже если бы тот был просто деревом на заднем плане, это было бы самое милое дерево в мире.

Он собирался распечатать фотографии. Сун Цинь выхватил камеру из рук Вэй Цина и спокойно сказал:

— Он не твой брат, не называй его так.

Уголки глаз Вэй Цина дернулись, и он беззвучно произнес губами: «Пф, какой жадина».

Вечер закончился. Старший брат, как член семьи, отправил Шуй Цюэ сообщение, что будет ждать его у выхода за кулисами, чтобы забрать домой.

Впереди были три дня новогодних каникул.

Ночь была глубокой, падали редкие снежинки. Под фонарями чернели густые тени деревьев. Выход из-за кулис вёл прямо на школьную аллею. Даже издалека Сун Цинь сразу узнал круглую фигурку, закутанную в пуховик.

— Друзья Шуй Цюэ? — сказал Вэй Цин, указывая на две более высокие фигуры, стоявшие рядом. — Они ждут тебя вместе с ним? Какая крепкая дружба.

Пока он говорил, высокая, худая тень слева обняла Шуй Цюэ. Вэй Цин увидел, как лицо Сун Циня изменилось, и поспешно добавил:

— Это, наверное, просто дружеские объятия!

Тень справа, повыше ростом, воспользовавшись моментом, когда первая фигура отстранилась, шагнула вперед и поцеловала Шуй Цюэ в щеку.

— Эм-м... возможно, это западный прощальный поцелуй, просто знак вежливости, да?

Дул пронизывающий холодный ветер. Мусорные баки были переполнены, и пустая алюминиевая банка, подхваченная ветром, со стуком покатила по дороге. В тишине этой аллеи звук был особенно резким.

Лицо Сун Циня стало чернее тучи. Он широкими, яростными шагами направился к троице. Вэй Цину показалось, что за все эти годы тот, опираясь на трость, ещё никогда не ходил так быстро.

<http://bllate.org/book/15811/1428790>